

Бгажноков Барасби Хачимович

доктор исторических наук,
заведующий отделом археологии и этнологии
Кабардино-Балкарского института
гуманитарных исследований

КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ И НРАВСТВЕННО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ [1]

Аннотация:

В статье рассмотрено понятие культурного ландшафта как антропогенной надстройки над природным ландшафтом, показана эвристическая ценность данного понятия. Определено место человека в культурном ландшафте, затронут вопрос о нравственной экологии, особо выделена культура эмпатии с разделением на индивидуально-личную и социально-организованную (институционализированную). Подчеркивается, что перспектива устойчивого развития территории зависит от силы населения, от уровня его социальной и культурной самоорганизации.

Ключевые слова:

культурный ландшафт, нравственная экология, устойчивое развитие территории, искусственная среда обитания, качество жизни, культура эмпатии, инфраструктура, экологический порядок, общественное настроение.

Bgazhnokov Barasbi Khachimovich

D.Phil. in History,
Head of Archeology and Ethnology Department,
Kabardino-Balkarian Institute
for Liberal Arts Researches

THE CULTURAL LANDSCAPE AND THE MORAL ECOLOGICAL PROBLEMS OF THE TERRITORY DEVELOPMENT [1]

Summary:

The article deals with the cultural landscape concept as an anthropogenic superstructure over the natural landscape, shows heuristic value of the concept. The author determines the place of a human in the cultural landscape, raises an issue of the moral ecology, and considers the culture of empathy with its division into personal and social (institutionalized) ones. It is emphasized, that the sustainable development of the region depends on the strength of the population, its level of social and cultural self-organization.

Keywords:

cultural landscape, moral ecology, sustainable development of a region, artificial habitat, quality of life, culture of empathy, infrastructure, ecological order, public mood.

В начале XX в. выдающийся русский географ и биолог Л.С. Берг ввел понятие культурного ландшафта как антропогенной надстройки над природным ландшафтом [2, с. 463–465]. Это своего рода материализованная картина мира различных сообществ. В культурной антропологии и смежных с ней дисциплинах данное понятие связывают с артефактами, с историей освоения и обустройства подконтрольной человеку территории [3, с. 106–107; 4].

Продолжением истории, составной частью культурно обустроенной территории становятся, кроме всего прочего, заповедники, пашни, фермерские хозяйства и усадьбы, общественные здания и жилые дома, площади, дороги, улицы. Сюда относятся также сады, парки, скверы, искусственные водоемы, фонтаны, скульптурные произведения и т. д. Словом, все, что сделано людьми для упорядочения, воспроизводства и улучшения среды обитания. Культурный ландшафт является важной составной частью упорядоченного мира, уютного, предсказуемого окружения, в котором люди проводят большую часть своей жизни [5, с. 155].

К деятельности по освоению и благоустройству жизненного пространства, к улучшению качества жизни сводится в конечном счете вся созидательная работа человека, многовековая история его взаимодействия с осваиваемой территорией. Мы видим зримые результаты этого взаимодействия, постоянно ощущаем на себе благотворное влияние искусственно созданной среды обитания. Во всем мире, во всех существующих экосистемах поддерживается определенный, достигнутый обществом уровень экологического порядка – взаимного соответствия потребностей человека и отвечающего этим потребностям достаточно удобного, уютного, предсказуемого окружения. Отсюда представление об экотуризме как о стремлении человека адаптироваться к различным сегментам и проявлениям среды. Желание подчинить эту работу удовлетворению материальных и духовно-нравственных запросов человека движет прогрессом [6, с. 240–251]. От того, насколько рационально, удобно и красиво обустроили люди подконтрольную им территорию, мы судим о качестве их жизни, об устойчивом развитии общества.

С другой стороны, культурный ландшафт включает в себя постоянных жителей данной территории, с их своеобразным мышлением, обликом и поведением, со своими исторически сложившимися особенностями в одежде, в манерах, в языке, в стиле и образе жизни. Так, в Российской

Федерации отдельные народы, исторически и административно привязанные к определенным территориям, постоянно воспроизводят на этой территории свою культуру и этническую идентичность. Благодаря чему сохраняется уникальная этнокультурная мозаика России [7, с. 25–26]. Это означает, что *люди, населяющие город и любую другую конкретную территорию, являются, с одной стороны, субъектами, творцами создаваемого культурного ландшафта, а с другой – объектами, составными частями этого ландшафта*. Поэтому место человека в культурном ландшафте, в общей и каждой конкретной экологической ситуации осложнено *социально-экологическим дуализмом, или социально-экологической двойственностью, человека и социума*.

Люди являются одновременно и попеременно потребителями и творцами жизненной среды. И что особенно важно – в ходе такого взаимодействия и перемены ролей возрастает не только значимость, но и нравственно акцентированная *ответственность* человека как создателя (субъекта) и самостоятельной единицы культурного ландшафта (объекта). Возникает ощущение причастности к тому, как развивается среда обитания, какой личный вклад вносит он в это развитие, как именно предстает в общей картине создаваемого и воссоздаваемого жизненного пространства. Развивается, иначе говоря, сознание значимости своего собственного места в культурном ландшафте. Поэтому всегда подчеркивалось, что нельзя сводить нравственность исключительно к отношениям людей друг к другу, упуская из виду отношения человека к самому себе. Даже заботу лично о себе, об успешной самореализации нельзя представлять однозначно как проявление эгоизма. Чаще всего в ее основе лежит нравственно и экологически аргументированное желание предстать в глазах окружающих в лучшем свете, стать, как говорил И. Кант, «полезным звеном мира». Такое стремление содержит в себе заботу о других, является проявлением эмпатии, эстетического сознания и художественного вкуса. Украсить, упорядочить мир вокруг себя, свое социальное окружение, стать самому украшением и «полезным звеном» этого мира – такова нравственно-экологическая задача, которая встает объективно перед каждым человеком.

С учетом этой сложной задачи ставится вопрос о нравственной экологии, предметом которой является этико-эстетическое содержание взаимоотношений человека с жизненной средой, а главной задачей – улучшение, рационализация этих отношений [8, с. 129–130]. Тем самым концентрируется внимание на потребностях человека в благоприятных условиях среды, на средствах, механизмах достижения этой цели. Особо выделяется среди этих механизмов культура эмпатии – система выработанных человечеством ценностей, норм, институтов, ориентированных на этико-эстетическую рационализацию мира – на производство и воспроизводство сочувственного, понимающего, эстетически выдержанного мышления и поведения [9]. В процессах взаимодействия со средой обитания она выражается в том, что человек и социальная система в целом воздерживаются от действий, способных доставить людям какие-либо неудобства, страдания, и, напротив, совершают действия, которые улучшают условия существования тех, кто находится с ними в прямом или косвенном общении.

Оставаясь хорошо организованной и скоординированной целостностью, культура эмпатии четко разделяется на *индивидуально-личную и социально-организованную (институционализованную)* культуру эмпатии [10, с. 68].

В первом случае речь идет об умениях и навыках эмпатического мышления и поведения отдельного человека. В повседневном взаимодействии с жизненной, социальной средой она выражается в том, что человек входит в положение других людей и воздерживается от действий, способных доставить кому-либо неудобства или неприятные чувства: не сорит, не грубит, не клеветает и т. д. И совершает действия, которые улучшают условия существования окружающих людей: уступает дорогу, извиняется за причиненное неудобство, благодарит за оказанную услугу. Эмпатичность выступает здесь в качестве личностных свойств индивида, и в таких случаях говорят о личностных свойствах человека: о его предупредительности, доброте, отзывчивости, чуткости, воспитанности.

Специфика социально-организованной культуры эмпатии состоит в том, что она является системой свойств и функций общества, а не конкретного человека, индивида. Социально-организованная культура эмпатии обнаруживает себя в многообразии тех параметров и стандартов комфортной, благополучной жизни, которые утверждены и поддерживаются сверху – законом, государством. К примеру, эмпатическим содержанием наполнены градостроительные критерии, архитектурные решения и стандарты, социальные выплаты, государственная помощь категориям людей, попавшим в трудные жизненные обстоятельства [11, р. 11–12]. Это касается, например, городской экологии. Пространство улиц, кварталов, районов, площадей, скверов, дворов, зданий, квартир организуется эмпатически – с учетом потребностей горожан, в том числе инвалидов, в удобстве, в психологическом комфорте.

Сверх всего этого эмпатическое действие или мероприятие оказывает обратное благотворное воздействие на субъект этого действия. Экспериментально доказано, что у человека,

оказавшего помощь или услугу другому человеку, повышается настроение и самооценка, он чувствует себя заметно лучше, чем до этого [12, с. 40–41]. Чувство удовлетворенности от сознания исполненного долга, от проявления заботы о людях испытывает и коллективный субъект эмпатического действия.

В силу этих обстоятельств и причин забота об улучшении социального окружения становится объективно общей задачей личности и общества, всего человечества. Нравственно аргументированное обустройство искусственной среды обитания объединяет, сплачивает людей всей планеты, укрепляет государство и государственные институты.

С этим прямо связана большая эвристическая ценность понятия «культурный ландшафт». Являясь наглядным отражением процессов и результатов взаимодействия силы территории (его природно-географических характеристик) и силы населения, оно наполнено глубоким нравственно-экологическим содержанием. Становится очевидным, что перспектива устойчивого развития общества, оптимальной самореализации личности и общества на данной территории зависит в конечном счете от силы населения, от уровня его социальной и культурной самоорганизации [13, с. 45–46]. Население, подавленное, истощенное жизненными проблемами и неурядицами, не сможет обеспечить необходимую для устойчивого развития общества динамику социально-экономических и культурных процессов.

Такое видение проблемы помогает выработать более широкие и глубокие представления о месте культурного ландшафта и жизненной среды в целом в процессах и результатах социально-экономического и культурного развития общества.

Ссылки и примечания:

1. Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 13-06-00666 «Методика выявления и анализа факторов, сдерживающих устойчивое развитие Северокавказского региона».
2. Берг Л.С. Предмет и задачи географии // Известия Русского географического общества. 1915. Т. 51, вып. 9.
3. Калущков В.Н. Об иерархичности культурного ландшафта (на материале Пинежья) // Этноэкологические исследования. М., 2004.
4. Тишков В.А. Три карты. Теория и общие подходы к проблеме «культура и пространство» // Культура и пространство: историко-культурные бренды и образы территорий, регионов и мест. М., 2012.
5. Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002.
6. Бгажноков Б.Х. Экофутуризм и проблемы этической рационализации жизненной среды // Адаптация народов и культур к изменениям среды, социальным и техногенным трансформациям. М., 2009.
7. Тишков В.А. Указ. соч.
8. Бгажноков Б.Х. Предмет и задачи нравственной экологии // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2008. № 3 (23).
9. Бгажноков Б.Х. Культура эмпатии // Толерантность и культурная традиция. М., 2002.
10. Бгажноков Б.Х. Антропология морали. Нальчик, 2009.
11. Lang J. Symbolic aesthetics in architecture: toward a research agenda // *Environmental aesthetics. Theory, research, and application*. Cambridge, 1988.
12. Чалдин Р., Кеприк Д., Нейсбер С. Социальная психология. Пойми других, чтобы понять себя. СПб., 2002.
13. Бгажноков Б.Х. Системный кризис малых территорий (По материалам исследований в Кабардино-Балкарии) // Вестник КБИГИ. 2014. № 3 (22).

References and notes:

1. This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research. Project № 13-06-00666 "Methods of identification and analysis of factors hindering the sustainable development of the North Caucasus region".
2. Berg, LS 1915, 'The object and purpose of Geography', *Proceedings of the Russian Geographical Society*, vol. 51, no. 9.
3. Kalutskov, VN 2004, 'On the hierarchy of the cultural landscape (based on Pinega)', *Ethnoecological research*, Moscow.
4. Tishkov, VA 2012, 'Three cards. Theory and common approaches to the problem of "culture and space"', *Culture and Space: the historical and cultural brands and images of areas, regions and locations*, Moscow.
5. Bauman, Z 2002, *Individualized Society*, Moscow.
6. Bgazhnikov, BH 2009, 'Eco futurism and challenges ethical rationalization of the living environment', *Adaptation of peoples and cultures to changes in environment, social and technological transformations*, Moscow.
7. Tishkov, VA 2012, 'Three cards. Theory and common approaches to the problem of "culture and space"', *Culture and Space: the historical and cultural brands and images of areas, regions and locations*, Moscow.
8. Bgazhnikov, BH 2008, 'The object and purpose of moral ecology', *Proceedings of the Kabardino-Balkar Scientific Centre of Russian Academy of Sciences*, no. 3 (23).
9. Bgazhnikov, BH 2002, 'Culture of empathy', *Tolerance and cultural tradition*, Moscow.
10. Bgazhnikov, BH 2009, *Anthropology of morality*, Nalchik.
11. Lang, J 1988, 'Symbolic aesthetics in architecture: toward a research agenda', *Environmental aesthetics. Theory, research, and application*, Cambridge.
12. Cialdini, R, Keprik, D & Neysber, S 2002, *Social Psychology. Understand others to understand themselves*, St. Petersburg.
13. Bgazhnikov, BH 2014, 'The systemic crisis of small areas (studies of Kabardino-Balkaria)', *Bulletin KBIGI*, no. 3 (22).